

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.2>

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «УЧИТЕЛЬ – РОДИТЕЛЬ» КАК
СЛЕДСТВИЕ ПЕРЕНОСА МОДЕЛЕЙ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ

Научная статья

Дьякова А.А.^{1,*}

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (twinsi[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются факторы коммуникативного поведения родителя по отношению к учителю, являющиеся деструктивными либо обладающие высоким деструктивным потенциалом. Предмет исследования ограничен теми проявлениями деструктивности в педагогическом дискурсе, которые обусловлены применением принципов коммуникации, типичных для персонального (лично-ориентированного) дискурса, но неприемлемых в институциональном (статусно-ориентированном) дискурсе. Описанные в статье речеповеденческие ситуации в системе отношений «учитель – родитель» характеризуются всеми признаками неэкологичного общения и способствуют развитию многих негативных явлений не только в образовательной среде, но и в обществе в целом.

Ключевые слова: педагогический дискурс, институциональный (статусно-ориентированный) дискурс, персональный (лично-ориентированный) дискурс, коммуникативное поведение, деструктивность.

DESTRUCTIVE COMMUNICATION IN THE SYSTEM OF TEACHER – PARENT RELATIONS AS A
CONSEQUENCE OF TRANSFER OF PERSONAL DISCOURSE MODELS TO INSTITUTIONAL DISCOURSE

Research article

Dyakova A.A.^{1,*}

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (twinsi[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the factors of a parent's communicative behaviour towards a teacher that are destructive or have a high destructive potential. The subject of the study is limited to those manifestations of destructiveness in pedagogical discourse, which are caused by the application of communication principles typical for personal (person-centred) discourse, but unacceptable in institutional (status-centred) discourse. The speech-behavioural situations described in the article in the system of relations "teacher – parent" are characterized by all the signs of non-ecological communication and contribute to the development of many negative phenomena not only in the educational environment, but also in society as a whole.

Keywords: pedagogical discourse, institutional (status-oriented) discourse, personal (personality-oriented) discourse, communicative behaviour, disruptiveness.

Введение

На современном этапе развития общества вопросам деструктивности (от лат. destructio – «разрушение») коммуникации в различных сферах жизни уделяется все большее внимание. Исследователи гуманитарных научных направлений отмечают возрастание нетолерантности и агрессивности в социуме. В частности, в науке о языке отмечается увеличение числа публикаций, посвященных тем или иным проявлениям деструктивности в педагогическом дискурсе, что свидетельствует о нарастании и обострении данной социальной проблемы.

Поскольку дискурс можно трактовать как общение людей, которое рассматривается с точки зрения их принадлежности к социальным группам или применительно к той или иной речеповеденческой ситуации, в науке о языке давно утвердилась социолингвистическая классификация дискурсов, в соответствии с которой разграничивают два основных их вида: персональный (лично-ориентированный) и институциональный, или статусно-ориентированный (работы Д. Гордона, П. Грайса, В.С. Кубряковой, Дж. Лаккофа, Дж. Остина, Дж. Серля, Н.И. Формановской, О.В. Эпштейн и др.). В персональном дискурсе коммуникант выступает как личность, а коммуникация характеризуется спонтанностью, субъективностью и ситуативной зависимостью. В институциональных дискурсах, к числу которых относится и педагогический, коммуниканты выступают как представители конкретных социальных институтов, коммуникация осуществляется в соответствии с нормами статусно-ролевых отношений; это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [7, С. 229]. Учет специфики дискурсов, описанных в данной классификации, позволяет носителям языка выстраивать коммуникацию успешно и эффективно в разных сферах жизни.

Однако в реальной коммуникативной практике соответствие сферы общения и коммуникативных тактик, используемых участниками вербального взаимодействия, наблюдается отнюдь не всегда. Носители языка, не являющиеся специалистами в области лингвистики, как правило, не обладают знаниями об уместных/неуместных в разнообразных ситуациях общения языковых средствах и коммуникативных приемах, а коммуникативное чутье, позволяющее выстраивать речевое поведение интуитивно правильно, присуще далеко не всем. Зачастую

коммуниканты не меняют или незначительно меняют регистр общения в разных сферах, придерживаясь привычной для себя модели коммуникации, основу которой составляют принципы и инструменты персонального дискурса. По мнению В.В. Колесова, фактический отказ от высокого речевого регистра, сведение всех стилевых разновидностей языка к разговорно-обиходному общению представляет опасность коммуникации [8].

Применение коммуникативных моделей личностно-ориентированного дискурса в коммуникативных ситуациях институциональных дискурсов приводит к нарушению субординации, вызывает эмоциональный дискомфорт и взаимную антипатию адресанта и адресата, следствием чего становится коммуникативная неудача, а само взаимодействие может квалифицироваться как деструктивное. Вслед за Я.А. Волковой под деструктивным мы будем понимать общение, направленное на причинение морального и физического вреда и характеризуемое сознанием собственной правоты после совершения деструктивного действия [1, С. 323]. Деструктивное коммуникативное поведение представляет собой совокупность речевых действий, вызывающих различные негативные эмоциональные реакции адресата.

Перенос принципов речевого поведения, характерных для персонального дискурса, в педагогический дискурс – явление на сегодняшний день широко распространенное и крайне негативное. Количество публикаций в личных блогах учителей, детально и эмоционально описывающих данную проблему, свидетельствует о том, что она является массовой и пагубно влияющей на качество не только образования, но и в целом жизни людей, в том или ином статусе (учитель, ученик, родитель) причастных к процессу обучения детей. Таким образом, исследование многообразных проявлений деструктивности в педагогическом дискурсе входит в число наиболее актуальных задач лингвистики.

Деструктивность в педагогическом дискурсе может рассматриваться в разных аспектах, поскольку она имеет место в нескольких системах отношений: «учитель – ученик», «учитель – родитель», «молодой учитель – опытный учитель», «учитель – руководство школы» [2], [4], [5], [10], – каждая из которых имеет свою структуру и свой коммуникативный кодекс. Цель исследования в рамках данной статьи состоит в описании проявлений деструктивности в системе «учитель – родитель», поскольку коммуникация учителя с родителями учащихся является важной частью педагогической деятельности, а навык успешного взаимодействия в этой системе – неотъемлемая составляющая профессиональной компетенции педагога: *Совсем скоро начнется новый учебный год и в школу придут ученики. НО! Каждый слышал от мам высказывание: «Скоро Мы идем в школу». Получается, что в школу приходят также и родители* (<https://clck.ru/36StmL>). Изучению деструктивности в отношениях «учитель – родитель» в лингвистической науке уделено значительно меньше внимания, чем проблеме взаимодействия в системе «учитель – ученик», что обуславливает теоретическую и практическую ценность исследований в первом из указанных аспектов. В последние годы доля коммуникации учителей и родителей в педагогическом дискурсе заметно увеличилась (в т.ч. в связи с более активным применением электронных средств коммуникации), а вместе с тем возросло влияние ее качества на процесс обучения в целом: *Сейчас, на мой взгляд, наблюдается тенденция к усилению родительского контроля над происходящим в школе. Иногда это достигает крайне резких форм. ...на самом деле это серьезная проблема, которая оказывает негативное влияние на весь образовательный процесс* (<https://clck.ru/36StmL>); *Учителей держат, что называется, в тонусе. И педагогам сложнее работать с родителями, чем с детьми* (<https://clck.ru/36Sthr>).

В качестве иллюстраций положений нашей статьи мы используем фрагменты публикаций учителей и комментариев к этим публикациям на блог-платформе «Дзен», послуживших материалом исследования (67 публикаций и комментарии к ним). Поскольку авторы контента – учителя – пишут об актуальном и «наболевшем» в их работе, мы рассмотрим один вектор деструктивности в педагогическом дискурсе – деструктивное коммуникативное поведение родителей по отношению к учителю, дополнительно ограничив предмет изучения теми деструктивными проявлениями, которые вызваны применением принципов коммуникации, характерных для персонального дискурса, но неуместных в педагогическом дискурсе. Научная новизна представленного в статье исследования заключается в рассмотрении деструктивного коммуникативного поведения родителей по отношению к учителю с позиции смешения моделей коммуникации в принципиально различных дискурсах. Подтверждением деструктивного характера коммуникативного поведения родителей является вербализации негативных эмоциональных реакций, которые возникают у учителей и которые отражены в их публикациях в сети Интернет.

Основные результаты

Отношение родителей к учителям, обучающим их детей, отражает общие закономерности развития российского общества. Наблюдая трансформацию образа учителя в разных сферах жизни социума начиная с советского периода и до настоящего времени (в кинематографе [12], СМИ [9], [11]), исследователи отмечают общую тенденцию к его девальвации: от высокого положения на шкале социального престижа в сторону понижения. Как показывает материал нашего исследования, в современном педагогическом дискурсе даже ключевой концепт «призвание учителя» приобретает деструктивный характер. К примеру, понятийная составляющая содержательной структуры концепта «призвание» представлена в следующем фрагменте публикации «Призвание учителя в жизни в ущерб в себе? Быть ресурсом и расходным материалом на пути учеников к хорошей жизни?»: **Что под педагогическим призванием понимают родители? Безусловно любить каждого ребенка. Воспитывать только похвалой. Быть готовым работать внеурочно и бесплатно, если это нужно ученику или его маме. Быть на связи 24/7. Никогда не думать плохо ни про учеников, ни про их родителей. Всегда быть готовым решить любую бытовую проблему школьника (забыл, не знал, потерял). Вести урок так, чтобы даже заядлый ютубер Вася и чемпион компьютерных игр с 4-х лет слушал с открытым ртом. Свои интересы ставить на второй план (летом читала жалобу, что учителя поехали отдыхать 12 июня на дачу, вместо того, чтобы проверять ОГЭ/ЕГЭ, дети же волнуются, а учителя себе такое позволяют). Перемены в жизни планировать исключительно летом (смена работы, переезды, операции, свадьбы, похороны, в том числе и свои). Воспринимать хамство и неуважительное общение от учеников и родителей как норму** (<https://clck.ru/36Sts8>).

В приведенном текстовом фрагменте нашли отражение такие признаки, принадлежащие к ядру концепта «призвание», как любовь и доброе отношение к детям, самоотдача, готовность помогать, способность давать новые знания в увлекательной форме, ответственность, терпимость/толерантность. Однако для их вербализации автор публикации применяет приемы иронии и гиперболизации, что отражает его оценочное отношение к предмету речи, вызванное негативным опытом общения с родителями учеников, и указывает на ценностную составляющую рассматриваемого концепта. Ценностный компонент концепта «призвание» отражен также в ряде комментариев к данной публикации: *Но и «призвание», конечно, словечко очень размытое, чаще всего – манипуляционное...; Почему-то про призвание вспоминают, когда:*

- 1) не могут справиться со своим ребенком;
- 2) ребенок предоставлен самому себе;
- 3) ребенок забывает болт на учебу;
- 4) ребенок систематически не успевает;
- 5) ребенок занимается на уроке черте чем.

И главное – когда нужно чем-то попрекнуть учителя; Взывает к призванию тот, кто хочет халявы. Как только речь заходит о чём-то таком я всегда говорю, что хожу на работу ради денег. Знатно тут у родителей бомбит (<https://dzen.ru/a/ZHeystGtjneajVXk>). Таким образом, при коммуникации в системе «учитель – родитель» само апеллирование названным концептом, его вербализация родителем расценивается как манипулятивная тактика по отношению к учителю, а именно как способ перекалывания на учителя ответственности родителей за успехи/неудачи их собственного ребенка.

Ни в коей мере не отрицая, что тенденция к смене знака ценностной составляющей данного концепта с положительного на отрицательный обусловлена, главным образом, экстралингвистически, отметим, что нельзя недооценивать роль языка и стратегий его применения в социуме. В частности, деструктивность педагогического дискурса, те или иные аспекты которой выявляются при рассмотрении ядерных признаков концепта «призвание учителя», во многом обусловлены применением в общении учителей и родителей моделей коммуникативного поведения, целесообразных исключительно в личностно-ориентированном общении. В большинстве случаев это происходит вследствие недостаточной коммуникативной компетенции родителей, из-за отсутствия у них знаний о специфике вербального взаимодействия в различных институциональных дискурсах и навыков смены стратегий общения.

Принимая во внимания только те факторы, которые имеют отношение к процессу вербальной коммуникации в педагогическом дискурсе, на основе наблюдений над материалом исследования можно заключить, что деструктивными либо обладающими высоким деструктивным потенциалом являются следующие принципы коммуникативного поведения, распространенные в межличностной коммуникации, но неприемлемые в педагогическом дискурсе.

1. Несоблюдение регламента общения приобрело статус одной из наиболее острых проблем педагогического дискурса относительно недавно, начиная с периода пандемии COVID-19. Решающим фактором стало обязательное, подчас принудительное для учителя использование мессенджеров в качестве канала коммуникации с родителями. Если раньше взаимодействие родителей и учителей вне родительских собраний предполагало личный визит родителя в школу в рабочие часы учителя для обсуждения действительно важных вопросов, то с распространением мессенджеров формат коммуникации в групповых чатах сблизился с частной межличностной перепиской со всеми сопутствующими признаками: свободное обращение по малозначительным поводам, возможность писать в любое время суток, убежденность в праве на недовольство скоростью реагирования адресата: *«Татьяна Михайловна была в сети 15 минут назад, значит можно ей сейчас написать, она явно еще не спит», – думает обеспокоенный несправедливой четверкой родитель и начинает печатать длинное сообщение. Знакомо? (<https://clck.ru/36Stxd>); ...а в вайбере в 22-00: «Только пришла и увидела у сына 3 по физкультуре, из-за чего и по какому нормативу ответить не может, за что у него тройка?», а в 22:30 уже «Вы почему не отвечаете, мало того, что тройки ставите, еще и игнорируете, я буду жаловаться в спортлото!» (<https://clck.ru/36Styw>); А то, что учитель не может сидеть на телефоне целыми днями, что у него есть уроки, а на переменах он также проводит время с учениками – подобное родителям в голову не приходит (<https://clck.ru/36Su28>); А ещё могут в 9 вечера в субботу написать, какие игры я должна проводить с детьми на переменах... (<https://clck.ru/36Su3U>).*

Вместе с этим подобная модель взаимодействия распространилась на звонки учителю по его личному телефону: *Я оказалась в этой ситуации совершенно беспомощной: выслушивала, разговаривала. Мне было сложно не взять трубку: вдруг что-то случилось? Остановить разговор я тоже не могла. Воспитание не позволяло... Конечно, таким родителям стоит дать понять, что учителю нужно отдыхать. Это в интересах ребёнка в том числе (<https://clck.ru/36Su6N>); А дела не прекращаются, т.к. родителям вечером нужно позвонить и спросить домашнее задание, высказаться по поводу выставленной отметки и т.д. Почему-то думать о том, что у учителя наступило время эмоциональной разгрузки после рабочего дня и хочется время на семью потратить, а не только на работу, некоторые не хотят (<https://clck.ru/36Su7Y>).*

Как отмечают юристы, в данном случае права учителя защищает Трудовой Кодекс РФ: он распространяется на всех работников, включая педагогов. Учитель может уделять дополнительное время родителям по вечерам и в выходные исключительно по доброй воле. Требовать этого родители не имеют права (<https://clck.ru/36Su6N>). Однако реальная коммуникация в рамках педагогического дискурса на сегодняшний день не соответствует положениям, закрепленным в нормативных документах. Нарушение личных границ, в частности, права на отдых во внеурочное время, является одной из причин выгорания или нежелания работать в школе, которую наиболее часто упоминают учителя в своих блогах: *Много лет добросовестно учила детей. Более чем добросовестно. С недавних пор просто хожу на работу, оказываю услуги. Зашла в кабинет и вышла из него. Телефон никому не даю. На звонки не отвечаю.*

Хотите узнать о своем ребенке, будьте добры пожаловать в школу. За что боролись, на то и напоролись (<https://clck.ru/36SuCR>); *Может ли человек идти на работу полным сил, если вечером после работы он не только готовил уроки и проверял тетради, но и отвечал на звонки и сообщения по телефону?* (<https://clck.ru/36Styw>).

2. Обсуждение учителя родителями. Обсуждение качеств и поступков людей, оценочность и субъективность – типичные черты персонального дискурса. Материал исследования показал два частотных варианта подобного коммуникативного поведения в педагогическом дискурсе, и они оба реализуют стратегию дискредитации, ведут к умалению достоинства и авторитета учителя. В первом случае родители негативно отзываются об учителе при ребенке и тем самым подают ему пример деструктивного общения: *«Вера, ну, что там твоя училка задала?» – листая дневник дочери, спросила моя приятельница и, увидев задание, продолжала – «опять целую кучу уроков делать, как она достала!» Я, будучи учителем, не могла не поинтересоваться, почему она так неуважительно называет учителя. На что получила целый поток возмущения в адрес учительницы, какая же она вредная и противная* (<https://clck.ru/36SuCR>); *Нередки случаи, когда родитель чем-то недоволен и может сказать при ребенке про его учительницу: «Ну и дура»* (<https://clck.ru/36SuSX>); *Дома и обсуждается учитель мамой с папой, сын, дочка слышат. Как они [школьники. – А.Д.] будут уважительно относиться к своему педагогу, если родители, дома на кухне, этого педагога обсмеивают, в грязь втоптывают и т.д.?* (<https://clck.ru/36SuTv>).

В приведенных контекстах мы находим наиболее распространенные оскорбительные номинации учителя, встречающиеся в материале исследования: экспрессивно-оценочная инвектива «дура» и инвектива-профессионализм «училка». Как известно, инвективная лексика типичным средством речевой агрессии [1]; она дает отрицательную оценку объекту, на который направлена, и используется с целью понижения статуса объекта речи и/или уровня его самооценки. Описанные выше речевые действия родителей подрывают доверие ребенка к учителю, разрушая основу конструктивного взаимодействия в процессе обучения. Вместе с тем ребенок усваивает и принимает как должное манеру общения, принятую в семье, что впоследствии с высокой вероятностью приведет к коммуникативным неудачам не только в школе, но и в других сферах общения. Кроме того, язык служит важным инструментом формирования картины мира развивающейся личности. Деструктивность описанного выше коммуникативного поведения не ограничивается педагогическим дискурсом и отношением к учителю, оно деформирует личность ребенка, прививая ему деструктивное мышление: *Если ваши дети не уважают учителей, если вы в их присутствии позволяете себе критику других взрослых, в том числе учителей, то будьте готовы к тому, что однажды ваши дети проявят такое же отношение к вам* (<https://clck.ru/36SuCR>).

Второй случай – обсуждение, а иногда и осуждение учителя в родительских чатах: *Вообще в последнее время учителя часто пишут о том, что родители бесцеремонно поучают как и чему учить нужно их чад... Учительница задала выучить стихотворение и к нему нарисовать рисунок. И что? Оказалось, что очень большое задание. Нужно или рисунок или стихотворение. А ещё возник вопрос о необходимости рисунка... А особо активные родители вынесли вопрос на обсуждение в чат. Начинается накрутка всех – от родителей, до учителей. Никому лучше от этого не становится. Пока выяснится истина, нервы учителя будут значительно потрёпаны* (<https://clck.ru/36Su7Y>). В подобных ситуациях деструктивность коммуникации заключается в ущербе, причиняемом не только эмоциональному состоянию и психическому здоровью учителя, но и (что, по всей видимости, неочевидно для родителей) образовательному процессу: у учителя снижается мотивация к вовлеченной педагогической деятельности, что неизбежно сказывается на качестве знаний детей.

3. **Обращение на «ты» к учителю.** Институциональные дискурсы, в том числе педагогический, предполагают общение на «Вы». Однако родители могут использовать личное местоимение 1 лица ед. ч. «ты» при общении с педагогом их ребенка, обычно молодым учителем: *Из-за моего возраста многие пытаются обратиться ко мне на «ты»:) Но это уже неверное просто издержки их собственного воспитания* (<https://dzen.ru/a/Yy7HW-lrX02K2PLx?sid=416142121661439>).

Использование родителями местоимения «ты» в адрес учителя считается в педагогическом дискурсе недопустимым, нарушающим субординацию, а в некоторых случаях – манипулятивным: *Родители обращаются к учителям на «ты» по двум причинам. Либо это бесцеремонность, либо большое уважение, любовь и дружба навеки. Первая причина встречается чаще. Люди таким образом просто обесценивают учителя... Ещё есть родители школьников, которые стараются стать «друзьями» педагога, чтобы что-то от него получить, например, хорошие оценки. Поэтому верить, что обращение на «ты» – это хорошее отношение, не стоит* (<https://clck.ru/36Suc4>).

В любой из обозначенных ситуаций обращение на «ты» со стороны родителя причиняет учителю моральный ущерб. Реализуемая с помощью местоимения 1 лица ед. ч. тактика сближения коммуникантов в первом случае репрезентирует стратегию дискредитации, понижая статус учителя в институциональном дискурсе. Как отмечает О.С. Иссерс, одной из коммуникативных задач использования стратегии дискредитации (кроме информирования об отрицательной оценке) является отрицательное воздействие на чувства адресата: намерение унизить, уязвить, выставить в смешном виде [6]; в этот ряд, на наш взгляд, справедливо включить и указание (в том числе косвенное) на некомпетентность адресата. Авторитет педагога, уважение к нему основываются на признании коллегами, учащимися и их родителями его высокого уровня профессиональной компетенции. Использование родителем личного местоимения «ты» выступает маркером неуважительного отношения, показывая, что педагог воспринимается адресантом на равных или даже ниже по статусу и, таким образом, не заслуживает обращения на «Вы».

Во втором случае реализуется стратегия манипулирования в целях сближения с педагогом ребенка, установления с ним приятельских отношений. Личное «ты» вместо отстраненного «Вы» выражает подкупающую симпатию («любовь и дружба навеки») со стороны родителя ученика. Однако подобное речевое действие носит деструктивный характер, поскольку навязывает учителю модель коммуникации, при которой ему было бы сложно сохранять объективность при оценивании успехов учащегося (установка «мы же с тобой свои люди, а своих нужно поддерживать, даже если они в чем-то неправы»).

В коммуникативных ситуациях, реализующих любую из двух обозначенных выше стратегий, моральный дискомфорт, который испытывает учитель, усиливается тем, что он оказывается вынужденным искать способ тактичного указания родителю на необходимость соблюдения этики общения в педагогическом дискурсе.

Однако, как показал материал исследования, не всегда общение на «ты» расценивается учителем как деструктивное. Речь идет о коммуникации с родителями, близкими с учителем по возрасту: *Почти все мамы очень молодые (либо мои ровесницы, либо старше на год-два). И как-то раз мама одной ученицы предложила перейти на «ты». Так как она была старше меня на 1 год, я согласилась. А потом пошло-поехало. Почти все мамы предложили перейти на «ты». И я вам скажу, что в наших отношениях ничего не изменилось. Меня как уважали, так и продолжают уважать* (<https://clck.ru/36Suc4>). Отметим, что данный пример является единичным, педагогический стаж автора на момент публикации составляет 6 лет. В комментариях к публикации мнения разделились, однако педагоги с большим опытом работы в школе настаивают на необходимости сохранения коммуникативной дистанции с помощью местоимения «Вы» в целях поддержания авторитета учителя при взаимодействии с учениками и их родителями.

4. Упреки в адрес учителя. Еще одна тактика в рамках стратегии дискредитации. Как и в личностно-ориентированном дискурсе, применяется открыто/свободно, по малозначительным поводам, без достаточных оснований, с переходом на личности: *Первая четверть это треш. Родители пятиклассников (а в параллели 3 класса, это в среднем 75 учеников) находят твой номер и начинают звонить с претензией «А почему вы не проверили записали ли мой сын/дочь домашнее задание? Вам же не трудно в конце урока пройти по рядам и проверить все ли правильно записали. Вот теперь мы не можем найти что нам делать». АААААААА!!!* (<https://dzen.ru/a/YHu0uurHID11vC7v>); *Еще одной главной вашей ошибкой будет прийти учить детей, не имея своих собственных. Конечно, я несерьёзно, но так думают многие родители. Я не раз слышала фразы (не только в свой адрес) типа: «Откуда вам это знать, у вас же нет своего ребёнка» / «Как вы можете чему-то научить моего ребенка, если у вас нет своего»* (<https://clck.ru/36Suft>).

Разновидностью тактики упрека является упрек в форме вопроса: *«А в том классе программу вот так проходили, а у нас вот так. Там поменяли местами, а здесь нет. Почему? Сколько часов по программе проходят числительные?»* Открываем журнал, отвечаем: *14 часов. Спрашивающему кажется, что мало... Родители, безусловно, имеют право на любой вопрос, но они часто задают их недоброжелательно, не для того, чтобы понять, а чтобы проконтролировать, все ли так делает учитель с его, родителя, точки зрения* (<https://clck.ru/36SuSX>). Негативная эмоциональная тональность высказывания не снижается его вопросительной формой; наоборот, учитель оказывается в положении подчиненного, отчитывающегося в своих действиях перед строгим начальством, которое контролирует качество его работы. И даже в более мягких формулировках вопросов читается недоверие к действиям учителя.

5. **Угроза.** Эта коммуникативная тактика родителей упоминается учителями по разным поводам (распределение ребенка не в тот класс, не к тому учителю и т.д.), но в основном в связи с недовольством низкими оценками: *При том угрожают не только ЗВОНКОМ «куда надо»! Но и тем, что с завтрашнего дня Я здесь уже работать не буду – меня уволят...* (<https://clck.ru/36Suih>).

В педагогической среде бытует неофициальное понятие «родительский терроризм», которое уже само по себе указывает на деструктивный характер стоящего за ним явления: *Раньше страшной была фраза учителя «я сейчас маму вызову». Сейчас страшной стала фраза ученика «я сейчас маму вызову». Знаете почему? Если ребенок даже не пытается решить спорную ситуацию, а заранее знает, что придет его мама и начнет скандал, это навсегда* (https://dzen.ru/a/YGsjsgaR5k_h7fDy). Этим широким понятием обозначаются как прямые, общепризнанные деструктивные речевые действия родителей (хамство, угрозы и т.д.), так и косвенные, внешне вежливые формы неэкологичного поведения («добрые советы», повышенное внимание к успеваемости ребенка, выражающееся в ежедневном потоке вопросов по любому поводу, и т.д.). Оно охватывает все формы коммуникативного поведения, которые нарушают традиции и морально-этические нормы взаимодействия родителей учащихся с учителем, затрудняют или исключают экологичные отношения в педагогическом дискурсе. «Родительский терроризм», в том числе его вербальная репрезентация, наносит психологический ущерб учителю, разрушает его самооценку, что в итоге пагубно влияет на всех участников образовательного процесса: *Во-первых, он [родительский терроризм. – А.Д.] может негативно повлиять на психологическое состояние учителя. Постоянное давление и угрозы могут создать у них стрессовую ситуацию, привести к понижению профессиональных навыков. Во-вторых, этот феномен оказывает отрицательное влияние на учеников. Когда родители проявляют агрессивное поведение по отношению к учителям, дети могут повторить такое же поведение, не уважать и не ценить своих учителей, а это негативно сказывается на образовательном процессе* (<https://dzen.ru/a/ZOHk8S9c-Squa16y>).

Описанный выше формат коммуникации в педагогическом дискурсе является деструктивным, и причиняемый им вред не ограничивается рамками школы и образовательным процессом. Он способствует развитию многих негативных явлений в обществе в целом: нарастанию агрессии, социальной розни, падению нравов. Проблема взаимодействия учителей и родителей в сегодняшних реалиях стоит очень остро и имеет множество аспектов. Главные из них упоминаются в публикации «Обращение учителя к родителям»: *Уважаемые родители, мне хочется обратиться к вам из-за непрекращающегося шквала негатива по отношению к учителям...* (<https://clck.ru/36SunZ>). Пользователи сети оставили более тысячи комментариев к данной публикации (подавляющее большинство – в поддержку) и более 3,2 тыс. раз отметили ее знаком одобрения («лайком»).

Заключение

Представленный в настоящей статье перечень проявлений деструктивности педагогического дискурса в системе «учитель – родитель» не претендует на полноту, поскольку сформирован на основе единиц наблюдения, отобранных с одного сетевого ресурса – контент-платформы «Дзен». Благодаря использованию метода лингвистического описания, позволившего произвести наблюдения, интерпретацию и обобщение материала, и метода коммуникативно-

прагматического анализа, обеспечившего выявление и отбор контекстов, в которых отражено деструктивное коммуникативное поведение в системе отношений «учитель – родитель» в современном педагогическом дискурсе, мы описали один из векторов взаимодействия в указанной системе – деструктивное коммуникативное поведения родителя, провоцирующее ответную (как правило, подавляемую, что еще более разрушительно для психики) агрессию учителя и конфликты в педагогическом дискурсе.

Было установлено, что все рассмотренные в статье проявления деструктивности в коммуникации родителей и учителей связаны с переносом в педагогический дискурс моделей коммуникативного поведения, типичных для лично-ориентированного общения. Описанные принципы коммуникативного поведения родителей характеризуются всеми признаками неэкологичного общения: нетолерантностью, эмоциональной рассогласованностью, неадекватной тональностью общения, нарушением коммуникативных норм. Для полноты изучения и лингвистического описания деструктивности в системе отношений «учитель – родитель» необходимо исследование и обратного вектора в обозначенной диаде – стратегий и тактик деструктивного коммуникативного поведения учителя по отношению к родителю. В связи с этим дальнейшая систематизация признаков деструктивного коммуникативного поведения в системе «учитель – родитель», а также способов предупреждения и нивелирования конфликтов в ней представляется перспективной и востребованной в педагогической практике.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Волкова Я.А.. Деструктивность как характеристика неэкологичного межличностного общения / Я.А. Волкова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве; — Волгоград: Перемена, 2013. — с. 323-337.
2. Волкова Я.А. Коммуникативные параметры деструктивности в педагогическом дискурсе / Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — 4. — с. 23-33.
3. Дерябина Н.А. Речевая деструктивность в университетской среде: педагогический аспект проблемы / Н.А. Дерябина // Известия Урал. гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2011. — 4. — с. 105-111.
4. Дьякова А.А. Деструктивность игнорирования, или О важности «вербальных поглаживаний» (на материале педагогического дискурса) / А.А. Дьякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — 3 (166). — с. 258-263.
5. Дьякова А.А. Стратегии и тактики деструктивного речевого поведения учителя / А.А. Дьякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — 6 (169). — с. 163-170.
6. Иссерс О.С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 1997. — 2. — с. 51-54.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
8. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В.В. Колесов — Санкт-Петербург: Юна, 1998. — 246 с.
9. Маченин А.А. Собираетельный образ школьного учителя в отражении теле/кино/интернет медиапространства / А.А. Маченин // Медиаобразование. — 2016. — 3. — с. 23-48.
10. Пригарина Н.Н. Негативные оценочные суждения в межличностном профессиональном общении учителей как проявления деструктивного коммуникативного поведения / Н.Н. Пригарина // Современное педагогическое образование. — 2023. — 7. — с. 338-341.
11. Пригарина Н.Н. Социальная перцепция образа российского учителя в современном медиадискурсе / Н.Н. Пригарина // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — 4 (95). — с. 353-355.
12. Шипулина Н.Б. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе / Н.Б. Шипулина // Известия ВГПУ. — 2010. — 8 (52). — с. 4-16.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Volkova Ja.A.. Destructivnost' kak harakteristika neekologičnogo mezhlichnostnogo obschenija [Destructiveness as a Characteristic of Non-ecological Interpersonal Communication] / Ja.A. Volkova // Emotive Linguoecology in the Modern Communicative Space; — Volgograd: Peremena, 2013. — p. 323-337. [in Russian]
2. Volkova Ja.A. Kommunikativnye parametry destruktivnosti v pedagogicheskom diskurse [Communicative Parameters of Destructiveness in Pedagogical Discourse] / Ja.A. Volkova, N.N. Panchenko // Bulletin of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. — 2022. — 4. — p. 23-33. [in Russian]
3. Derjabina N.A. Rechevaja destruktivnost' v universitetskoj srede: pedagogičeskij aspekt problemy [Speech Destructiveness in the University Environment: the Pedagogical Aspect of the Problem] / N.A. Derjabina // Proceedings of the Ural State University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture. — 2011. — 4. — p. 105-111. [in Russian]

4. D'jakova A.A. Destruktivnost' ignorirovanija, ili O vazhnosti «verbal'nyh poglzhivanij» (na materiale pedagogicheskogo diskursa) [Destructiveness of Ignoring, or On the Importance of “Verbal Strokes” (Based on Pedagogical Discourse)] / A.A. D'jakova // *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. — 2022. — 3 (166). — p. 258-263. [in Russian]
5. D'jakova A.A. Strategii i taktiki destruktivnogo rechevogo povedenija uchitelja [Strategies and Tactics of Teacher's Destructive Verbal Behavior] / A.A. D'jakova // *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. — 2022. — 6 (169). — p. 163-170. [in Russian]
6. Issers O.S. Pasha-«Mercedes», ili Rehevaja strategija diskreditatsii [Pasha-"Mercedes", or Speech Strategy of Discredit] / O.S. Issers // *Bulletin of Omsk University*. — 1997. — 2. — p. 51-54. [in Russian]
7. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse] / V.I. Karasik — Volgograd: Peremena, 2002. — 477 p. [in Russian]
8. Kolesov V.V. Russkaja rech'. Vchera. Segodnja. Zavtra [Russian Speech. Yesterday. Today. Tomorrow] / V.V. Kolesov — Sankt-Peterburg: Juna, 1998. — 246 p. [in Russian]
9. Machenin A.A. Sobiratel'nyj obraz shkol'nogo uchitelja v otrazhenii tele/kino/internet mediaprostranstva [The Collective Image of a School Teacher in the Reflection of the TV/Cinema/Internet Media Space] / A.A. Machenin // *Media Education*. — 2016. — 3. — p. 23-48. [in Russian]
10. Prigarina N.N. Negativnye otsenocnyje suzhdenija v mezhlčnostnom professional'nom obsčenii uchitelej kak projavlenija destruktivnogo kommunikativnogo povedenija [Negative Value Judgments in Interpersonal Professional Communication of Teachers as Manifestations of Destructive Communicative Behavior] / N.N. Prigarina // *Modern Teacher Education*. — 2023. — 7. — p. 338-341. [in Russian]
11. Prigarina N.N. Sotsial'naja pertsepsija obraza rossijskogo uchitelja v sovremennom mediadiskurse [Social Perception of the Image of a Russian Teacher in Modern Media Discourse] / N.N. Prigarina // *The World of Science, Culture, Education*. — 2022. — 4 (95). — p. 353-355. [in Russian]
12. Shipulina N.B. Obraz uchitelja v sovetskom i sovremennom rossijskom kinematografe [The Image of a Teacher in Soviet and Modern Russian Cinema] / N.B. Shipulina // *Proceedings of VSPU*. — 2010. — 8 (52). — p. 4-16. [in Russian]